

С.Л. Авалиани

Земские соборы

1) Историография земских соборов, 2) О представительстве на земских соборах XVI в. и начала XVII в.

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С11

С11 **С.Л. Авалиани**
Земские соборы: 1) Историография земских соборов, 2) О представительстве на земских соборах XVI в. и начала XVII в. / С.Л. Авалиани – М.: Книга по Требованию, 2013. – 228 с.

ISBN 978-5-518-04747-1

ISBN 978-5-518-04747-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Введение.

Ни одинъ институтъ, ни одинъ вопросъ русской исторіи можно сказать безошибочно не вызывалъ такого глубоко-жизненнаго интереса, какъ среди специалистовъ историковъ и юристовъ, такъ и среди широкой публики, какъ московскіе земскіе соборы. Интересъ обуславливался многими причинами: однимъ, земскіе соборы представлялись своеобразнымъ институтомъ, созданнымъ самобытными условіями эволюціи русской жизни; для другихъ, земскіе соборы являлись политическимъ идеаломъ, который модифицировался сообразно съ условіями историческаго момента и эпохи, наконецъ, для многихъ, земскіе соборы были учрежденіемъ отнюдь не своеобразнымъ, наоборотъ, учрежденіемъ типичнымъ, свойственнымъ опредѣленнымъ этапамъ историческаго развитія формъ государственной жизни. Нигдѣ также не сказывались съ такой силой и вышуклостью политическіе и общественные идеалы, философское или соціологическое міровоззрѣніе какъ при разработкѣ исторіи земскихъ соборовъ. Поэтому научныя изысканія надъ прошлымъ земскихъ соборовъ не оставались достояніемъ ограниченаго числа ученыхъ специалистовъ, а они получали своеобразный общественный интересъ. Земскіе соборы служили излюбленной темой популяризаціонныхъ брошюръ и изданій, рассчитанныхъ всегда сообразно съ моментомъ ихъ появленія въ свѣтъ, на опредѣленный общественно-политическій эффектъ. Исторіографія земскихъ соборовъ въ силу отмѣченныхъ обстоятельствъ разрослась до громадныхъ размѣровъ и не перестаетъ обогащаться новыми изысканіями. Однако, во внѣшней и внутренней исторіи земскихъ соборовъ много спорнаго, неяснаго, невыясненнаго, что объясняется скудостью дошедшаго до

насъ матеріала, дефектністю налічного и неясністю термінологіи інститута. Предлагаемая работа не ставить своєї цѣлю розрѣшенія спорнихъ вопросовъ, ея задачи скромнѣе: она стремилась подвести итогъ работамъ, посвященнымъ земскимъ соборамъ.

Мы въ хронологической послѣдовательности прослѣдили исторіографію земскихъ соборовъ. пытались отмѣчать какъ постепенно нарастала работа изслѣдователей, какъ расширялись и совершенствовались методы изслѣдованія привлеченіемъ новыхъ матеріаловъ, новыми постановками вопросовъ. Хронологическій путь былъ избранъ нами потому, что этотъ способъ изложенія даетъ возможность легче прослѣдить нарастаніе работы, ибо каждая послѣдующая ученая работа исходила изъ предшествующей, базировалась на неї. или дополняла ее, или исправляла, или же выдвигая новые вопросы, не предусмотрѣнные предшествующей. Такъ какъ изслѣдователи понемного черпали матеріалъ. то послѣдующимъ изслѣдователямъ оставалось обращаться за поисками новыхъ, просматривать наличный матеріалъ лишній разъ, эта работа была тѣмъ плодотворнѣе. что ограниченность матеріала давала возможность тщательнаго и детальнаго обслѣдованія. Правда, кое-гдѣ мы нарушали хронологическій порядокъ изложенія. но всякій разъ такой ходъ обуславливался необходимостью соблюсти цѣльность впечатлѣнія, но рѣдкія уклоненія такого рода, въ общемъ, не лишаютъ работу хронологическаго порядка изложенія. Намъ могутъ поставить вопросъ, насколько необходима такая работа, и мы должны отвѣтить, что работы аналогичнаго характера не представляютъ для автора благодарнаго труда; но намъ кажется, что такія работы весьма цѣнны и необходимы, когда литература вопроса разрастается и расширяется, когда на очереди много другихъ срочныхъ работъ. Мы исходили изъ положенія. что такія работы должны дать возможность быстрой оріентировки въ обширной литературѣ вопроса, создать экономію силъ и средствъ, выпукло выставить вопросы. долженствующие привлечь вниманіе изслѣдователей. Конечно, каждый специалистъ знакомъ съ исторіей вопроса, но работы аналогичнаго содержания должны играть роль вспомогательнаго и справочнаго пособія. Такими соображе-

пiями руководились мы, когда рiшили опубликовать свой очеркъ. Предлагаемый исторiографическiй очеркъ долженъ сдужить также и введенiемъ ко второй части нашего труда, посвященнаго очерку характера и состава представителей на земскихъ соборахъ XVI и пачала XVII в

Мы разсмотрiли почти всю литературу, имiющую значене въ исторiографiи земскихъ соборовъ, а также попытки популяризации земскихъ соборовъ послiдняго времени; мы далеки отъ мысли, что исчерпали литературу такой задачи мы и не ставили себi

Идея земскаго собора въ прошломъ и настоящемъ.

XVI в. въ русской исторiи можетъ быть по справедливости названъ эпохой русскаго ренессанса въ широкомъ значенiи этого понятiя. Въ собравшейся политически Руси замiтно сильное умственное броженiе, которое идетъ въ разныхъ направленiяхъ, задiвая и освiщая всi насущные вопросы общественно-политической и религиозна-правственной жизни. Социально-политическая подпочва вызывала, возбуждала и втягивала въ умственную борьбу разнообразныя общественныя элементы. XVI в. же ознаменованъ борьбой виднiйшихъ социальныхъ классовъ: съ одной стороны, крупное землевладiльческое сословiе, боярство вступило въ борьбу съ представителемъ высшей политической власти въ странi, съ вел. кн. Московскимъ, а потомъ съ царемъ всея Руси, идейными представителями ихъ и явились Василий III и Ив. Ник. Берсень-Беклемишевъ, позже Грозный съ А. Курбскимъ; съ другой стороны, противорiчие общественныхъ интересовъ осложняется новыми борющимися силами, когда переплетаются начала социального общезнiтя съ религиозными основами. Здiсь борьба нестяжателей съ сторонниками монастырскаго землевладiнiя имiла въ виду возрожденiе строгаго иноческаго общезнiтя, но въ то же время борьба осложнилась факторами материальнаго характера. Борьба съ вотчиннымъ землевладiнiемъ монастырей находила сочувствiе въ средi московской землевладiльческой знати, пизшаго служилаго класса, а также въ лицi представителя высшей политической власти, царя московскаго; правда, не

точники сочувствія этихъ разнородныхъ элементовъ не одного и того же порядка. Имунитетныя привилегіи церкви и монастырей наносили существенный ущербъ социальной мощи землевладѣльческой знати: секуляризаціонныя стремленія высшей московской политической власти имѣли реальное политическое основаніе: отсутствіе свободнаго земельного фонда стѣсняло царя и князя Московскаго въ необходимости вознагражденія служилыхъ людей. На соборахъ 1503 г. и 1551 г. сторонники монастырскаго землевладѣнія взяли вверхъ, что указывало, если не на партійную сплоченность, то во всякомъ случаѣ на крупную силу, олицетворяемую сторонниками монастырскаго землевладѣнія, или вѣрнѣе, оно указывало на борьбу свѣтской и духовной власти; правда, духовная власть не стремилась къ власти свѣтской, но первая разошлась со второй и даже больше. свѣтская власть должна была признать молчаливо побѣду сторонниковъ монастырскаго землевладѣнія. Борьба и столповеніе разнородныхъ общественныхъ интересовъ усиливались общими причинами экономического свойства. Переходъ отъ чисто натуральнаго хозяйства къ денежному, колонизаціонное движеніе изъ центра на востокъ, ставило на очередь разрѣшеніе крестьянскаго вопроса: бремя фискальныхъ повинностей выдвигало на очередь упрядоченіе отношеній между помѣщикомъ и крестьяниномъ-рабочимъ. Частные случаи ограниченія крестьянскихъ переходовъ въ половинѣ XV в. приводятъ, наконецъ, къ окончательному прикрѣпленію крестьянъ, санкціонированному ук. 1597 г. Борьба общественныхъ классовъ изъ сферы разрѣшенія практическихъ вопросовъ переносилась въ книгу, порождая литературныя направленія и группы (см. Бесѣду преп. Сергія и Германа, произведенія инокъ Вассіана. М. Грека).

Умственное броженіе конца XV и XVI в. пріобрѣтало характеръ рѣзко выраженнаго рационалистическаго мышленія, что порождало еретическое вольномысліе жидовствующихъ и стригольщиковъ. „Еретическое“ мышленіе конца XV и нач. XVI в. сначала жидовствующихъ и стригольщиковъ, а затѣмъ: Ѳ Косого, Вашкина, отчасти старца Артемья, лучший показатель той персонифики понятій, которыми болѣютъ переходныя эпохи вообще, а XV-XVI в. въ частности. Не-

довольство господствующимъ міровоззрѣніемъ, критицизмъ, и поиски новаго, наиболѣе характерныя показатели эпохи. Если одна часть мыслящаго общества одержала рачіоналистическимъ критицизмомъ, то другая, болѣе крайняя, переходитъ въ анархическое умонастроеніе, которое причудливо сплетается съ высоко гуманными взглядами („не требѣ начальству быть въ христіанствѣ: учили Ѡ Косой, а Башкинъ, основываясь на христіанскомъ ученіи, возставалъ противъ рабства).

Такимъ образомъ, общественно-политическая борьба XVI в., столкновение интересовъ господствующихъ классовъ идетъ подѣ соответствующими идейными лозунгами, разрастаясь до страстной полемической схватки. Литературныя памятники XVI в. представляютъ глубочайшій интересъ для изслѣдователей, они вскрываютъ сложную сѣть реальныхъ взаимоотношеній людей XVI в. Идейный подъемъ XVI в. указывалъ на глубокой внутренней, сосредоточенной въ нѣдрахъ народной жизни, социальный процессъ.

Если эпоха гуманизма на Западѣ характеризуется развитіемъ индивидуализма, если индивидуализмъ въ вопросахъ личной вѣры и внутреннего убѣжденія вырастаетъ въ индивидуализмъ въ вопросахъ политической и гражданской жизни, то у насъ критическій рачіонализмъ вмѣстѣ съ мистицизмомъ XV—XVI в. былъ первымъ серьезнымъ показателемъ зарожденія индивидуализма личнаго, которое вырастаетъ въ индивидуализмъ политическій (кн. Курбскій). Широкое идейное теченіе XVI в., подготовленное общественно-политическими отношеніями, разрѣшается крупнымъ социальнo-политическимъ кризисомъ, смутой нач. XVII в., точно также, какъ религіозно-правственные и общественно-политическія противорѣчія на Западѣ разрѣшились реформацией.

Оживленная умственная работа XVI в., проявляющаяся въ многочисленныхъ памятникахъ письменности имѣетъ значеніе симптоматическое. Мы знаемъ, что XVI в. характеризуется длинной вереницей реформаторскихъ попытокъ, охватывающихъ всю совокупность проявленій общественно-политической жизни. Реформа въ области мѣстного управления.

замѣна кормленія самоуправленіемъ земщинъ, судебникъ 1550 г., стоглавій соборъ и попытка очищенія русской церкви отъ нравственной порчи, попытка поднятія ея моральнаго авторитета, патриаршіи престоль, окончательное признаніе независимости русской церкви, актъ 1597 г. и закрѣпленіе крестьянства, какъ итогъ предшествующаго историческаго развитія, наконецъ земскій соборъ, какъ вѣнецъ зданія, въ идеѣ современниковъ, по крайней мѣрѣ, — вотъ та крупная „реформація“ которая, съ одной стороны, удовлетворяла назрѣвшимъ потребностямъ современной жизни, а съ другой, выдвигая въ нѣкоторыхъ основаніяхъ рѣзче соціальныя противорѣчія. (прикрѣпленіе крестьянъ, разгромъ боярской олигархіи, закрѣпленіе за государственной службой низшихъ военно-служилыхъ классовъ) подготовила кризисъ XVII в.

Изъ вышензложеннаго ясно, что земскій соборъ XVI в. вырастаетъ въ очень сложную эпоху, которая характеризуется особеннымъ подъемомъ общественно политической мысли разныхъ отѣнковъ. Не вдаваясь въ подробности возникновенія института, мы однако должны отмѣтить, что въ эпоху строительства XVI в. земскій соборъ не явился вдругъ, а онъ долженъ былъ явиться, какъ естественный продуктъ существующихъ отношеній между властью и другими политическими группами. Боярская олигархія, старые удѣльные князья, большіе и малые феодалы, хотя не представляли сплоченной массы, которая была бы способна проводить свои тенденціи, однако она представляла силу, съ которой необходимо было считаться власти; отголоски политическаго недовольства этой группы явственно слышатся, начиная съ Іоанна III и реально проявляются въ эпоху малолѣтства Грознаго. Бояре, потомки удѣльных князей, разгромленные какъ политическая сила, представляли внутреннюю силу, какъ землевладѣльческая аристократія, съ которой естественно необходимо было считаться. Къ тому же боярство московское, которое къ эпохѣ Грознаго всосало, какъ землевладѣльческая аристократія, и потомковъ удѣльных князей, не теряло надеждъ на политическое господство. Естественно, что отсюда должна была выйти сила противоборствующая царской власти, которая

къ тому же. основывалась на ученіи о божественномъ происхожденіи власти, явно стремилась къ самодержавію. Мы безошибочно можемъ сказать, что земскій соборъ, какъ генеральныя штаты, явились въ результатъ столкновенія боярской землевладѣльческой аристократіи, феодальнаго дворянства по новой терминологіи, и царской власти. Земскій соборъ былъ компромиссомъ со стороны царской власти и онъ явился какъ результатъ борьбы олигархическаго, экономически сильнаго боярства и царской власти. Въ доказательство истинности положенія мы и должны обратитесь къ литературнымъ памятникамъ эпохи, которые и знакомятъ съ той борьбой, которая естественно занимала и боярскую олигархію и царя. Мы оставимъ въ сторонѣ произведенія „западника“ Максима Грека, потому что онъ не могъ раздѣлять тѣхъ положеній, изъ которыхъ походила московская знать въ борьбѣ за земскій соборъ, хотя на лицо его сочувствіе, какъ по вопросу о монастырскомъ землевладѣніи, такъ равно по вопросу о необходимости земскаго соборнаго начала. Что вопросъ о доступѣ бояръ къ вліянію на дѣла былъ вопросомъ жизненнаго значенія, то объ этомъ въ виду общезвѣстности много говорить не приходится. Про Василия III бояре неоднократно говорили, что „государь пришелъ жестокъ. людей мало жалуетъ. къ людямъ немилостивъ“, „государь упрямъ, встрѣчи противъ себя не любитъ. и кто противъ него говоритъ и онъ на того опалается“ „заперся самъ третей у постели всякія дѣла дѣлаетъ“: вѣдь, авторъ похвальнаго слова Василию III, по поводу рожденія Ивана IV торжественно заявлялъ, что будущій Грозный „посрамитъ еретическое гнѣпословіе“ и „уравитъ исконное въ отечествѣ его любопренное и гордынное *о благородствѣ нятежное шатаніе.*“ Иное сказаніе, присоединенное къ „Бесѣдѣ преп. Сергія и Германа. валаамскихъ чудотворцевъ“ весьма опредѣленно говоритъ о настроеніи извѣстной части общества, въ сознаніи которой земскій соборъ являлся опредѣленнымъ политическимъ идеаломъ. „достоитъ святѣйшимъ вселенскимъ патріархомъ и православнымъ благочестивымъ папамъ... благословити царей и великихъ князей русскихъ московскихъ на *единомысленный вселенскій советъ* и съ радостію царю воздвигнути отъ всѣхъ градовъ своихъ и отъ

уѣздовъ градовъ тѣхъ, *безо величества и безъ высокоумія гордости*, Христоподобною смиренною мудростію, *безпрестанно всегда держати погодно при собѣ и собѣ ото всякихъ мѣръ всякихъ людей и на всякъ день и гдѣ добръ распросити царю самому* о всегоднемъ поусту и о каѣніи міра всего и про всякое дѣло міра сего. А *разумныхъ мужей, мудрыхъ и надежныхъ приближенныхъ своихъ воеводъ и воиновъ* со многими войскомъ ни на единъ день не разлучатися отъ себя; а таковою царскою мудростію и воиннымъ валитовымъ разумомъ вѣдомо да будетъ царю самому про все всегда самодержества его. и можетъ скрѣпити отъ грѣха власти и воеводы своя и приказные люди вся и приближенныхъ своихъ воеводъ и воиновъ отъ поминка и отъ посула и отъ всякія неправды. и сохранить ихъ отъ многихъ безчисленныхъ властелинныхъ грѣховъ и ото всякихъ льстивыхъ льстецовъ и отъ обавщиковъ ихъ, и объявлено будетъ тѣмъ людьми таковое дѣло предъ царемъ¹⁾. Слѣдовательно, „вселенскій совѣтъ“, который долженъ быть „воздвигнуть“, „безо величества и безъ высокоумія гордости“, а равно „разумные, мудрые, надежные“ приближенные поставятъ царя въ извѣстность относительно дѣятельности приказныхъ и другихъ чиновъ. Ясно выраженная въ „Иномъ сказаніи“ идея вселенскаго совѣта—идея боярская; бояре имѣли много основаній жаловаться на „высокоуміе“ и „гордость“ политической власти въ государствѣ. Нельзя согласиться съ тѣми изслѣдователями, которые относятъ „Иное сказаніе“ ко времени послѣ созыва перваго собора 1550 г. ибо ясно, что для автора это идеаль, къ которому необходимо стремиться. Идея вселенскаго мірскаго совѣта не чужда и автору „Бесѣды“, если согласиться, что авторъ „Бесѣды“ и „Иного сказанія“ разныя лица; сильно вооруженный противъ власти, которая допустила монастырское землевладѣніе со всеми вытекающими отсюда послѣдствіями, авторъ „Бесѣды“ раздраженъ, непочтителенъ къ царямъ, называя ихъ „малосмысленными, Христу противницами“²⁾. Идея мірскаго вселенскаго совѣта выражается у автора слишкомъ опредѣленно: „подобаетъ съ ми-

1) Лѣтопис. Археограф. Комиссіи в. X, стр. 30—31

2) Лѣтопис. завитіи археограф. Комиссіи в. X, стр. 10.

Подробнее у насъ „Бесѣда преп. Сергія и Германа валаамскихъ чудотворцевъ, какъ историческій источникъ“. Богосл. Вѣстн. № 3, 1909 г.

ромъ во всемъ вѣдати царю самому, со властью своими, а не съ иноки“¹⁾ Боярская олигархическая тенденція слышнѣе всего чувствуется въ „Весеѣдѣ“, когда она указываетъ, что царю подобаеъ „изъ міру съ пощадою собирати великіе доходы и дѣла дѣлати милосердно, а не гнѣвно, ни по паносу“, „а царемъ съ бояры и съ ближними пріятели о всеміи совѣтовати накрѣпко“²⁾. „Весеѣда“ и „Иное сказаніе“ не случайно соединены, между ними тѣсное идейное родство. оба памятника, если допустить, повторяю, принадлежность ихъ разнымъ авторамъ, проникнуты тенденціями, идеями московской землевладѣльческой знати. политическія идеи которой выкристаллизовались, съ одной стороны, въ идею боярскаго совѣта, а съ другой, въ идею вселенскаго совѣта. Если въ слѣдъ за пѣкоторыми изслѣдователями отнести „Весеѣду“ слѣдовательно и „Иное сказаніе“ или наоборотъ къ эпохѣ послѣ 1550 г., т. е. послѣ перваго земскаго собора, то и въ этомъ случаѣ придется признать, что политическія идеи, объединяющія извѣстныя группы лицъ, рождаются не сразу, не вдругъ: всегда нужно допускать, что идея рождается раньше, чѣмъ она станетъ, при извѣстныхъ вышнихъ обстоятельствахъ. достояніемъ всѣхъ путемъ печатнаго или иного средства. Отсюда ясно, что идея земскаго собора, вышедшая изъ сознанія политически обезнеленнаго, но экономически мощнаго землевладѣльческаго класса боярства, была своего рода политическимъ лозунгомъ для московскаго боярства, но отсутствіе тѣсной корпоративной солидарности лишало ихъ возможности вести борьбу для осуществленія идеи, и борьба приобрѣла партизанскій характеръ. Переноска Иоанна IV съ Андреемъ Курбскимъ—этотъ замѣчательный памятникъ, прекрасно иллюстрируетъ взаимоотношенія боярства и царской власти. А. Курбскій, какъ запитникъ и идейный представитель боярскаго міровоззрѣнія отстаиваетъ мысль о необходимости для царя искать совѣта не у однихъ совѣтниковъ бояръ, но и у „всенародныхъ человекъ“ отстаивая боярскій совѣтъ и совѣтъ „всенародныхъ человекъ“, Курбскій повторяетъ мысль „Весеѣды“, слѣдовательно, идея боярскаго совѣта и земскаго всенароднаго совѣта, являлась

1) *ibid.*—24.

2) *ibid.*—21, 27.

политическимъ лозунгомъ для землевладѣльческой знати. Іоаннъ Грозный прекрасно усвоилъ, что „всяка душа владыкамъ предвладующимъ да повируется: никакая же бо владычества, еже не отъ Бога учинена есть: тѣмъ же противляйся власти, Божію повелѣнію противится“¹⁾, онъ же вѣрить, что владѣть престоломъ „Божіимъ изволеніемъ и прародителей и родителей своихъ благословеніемъ. яко же родихомся во царствіи, тако и возрастохомъ и воцарихомся Божіимъ велѣніемъ и родителей своихъ благословеніемъ свое взяхомъ“²⁾, отсюда и выводъ, что царемъ подобаеъ обозрительнымъ быти: овогда кротчайшимъ, овогда же яримъ: ко благимъ убо милость и кротость, ко злымъ же ярость и мученіе; аще ли же сего не имѣя, нѣсть царь: царь бо нѣсть боязнь дѣломъ благимъ, но злымъ“³⁾ Власть, по теоріи Грознаго, должна принадлежать ему одному безраздѣльно: „Россійское самодержавство пзначала сами владѣютъ всеми царствы, а не бояре и вельможи“⁴⁾. Исторія народовъ древности, Византіи доказываетъ „каково правленіе составляетъ въ разныхъ началѣхъ и властехъ, и понеже убо тамо быша царе послушны епархомъ и сижли томъ и въ какову погибель придоша“ и Грозный съ удивленіемъ вопрошаетъ Курбскаго „сія ли убо намъ совѣтуши, еже къ таковѣ погибели пріити“⁵⁾; между тѣмъ Іоаннъ Грозный указываетъ, что боярскій сплкитъ создавалъ анархію: „вы растлѣнны, отвѣчаетъ Грозный Курбекому, что не токмо повинны хотѣете мнѣ быти и послушны, но и мною владѣете, и всю власть съ мене сняете, и сами государилися, какъ хотѣли, а съ меня все государство сняли: словомъ азъ быхъ государь, а дѣломъ ничего не владѣлъ“⁶⁾, какимъ же образомъ царь можетъ назваться самодержцемъ „аще не самъ строитъ“ Такимъ образомъ, Іоаннъ IV слишкомъ ясно и вразумительно отстаиваетъ полноту и независимость царской власти отъ домогательства покушеній и на нее со стороны боярской знати. Независимость и цеогра-

1) Сказанія ки Курбскаго, изд 3-е, стр 139.

2) *ibid.*—137.

3) *ibid.*—147.

4) *ibid.*—141

5) *ibid.*— 153

6) *ibid.*—195